

Алексей Анатольевич Громыко –

доктор политических наук,
исполняющий обязанности директора
Института Европы РАН

Россия и Малая Европа – проблема **геополитического маневра**

В конце XX – начале XXI века несостоятельность стремления к закреплению однополярного мира в лице доминирования США подогревала ожидания в отношении будущего Евросоюза как более самостоятельного политического игрока в международных отношениях. Параллельно с этим всё большую популярность обретала идея полицентричности, которая, надо отметить, далеко не во всём совпадала с идеей многосторонности, популярной в Евросоюзе (или другими словами – в Малой Европе, в Большую Европу входят все страны европейской цивилизации, в том числе и Россия). Идея многосторонности подразумевала скорее выход Малой Европы на передовые роли в партнерстве с США и другими составляющими коллективного Запада. То есть речь шла в основном о реконфигурации сил внутри Евроатлантики при сохранении в неприкосновенности ее лидирующих позиций в мировых делах. В отличие от этого взгляда на расстановку сил в новом столетии полицентричность предполагала значительное снижение роли кол-

лективного Запада в пользу иных центров влияния – как в Европе, так и за ее пределами.

Новый многополярный мир первой четверти XXI столетия, как и предыдущие миросистемы, продолжает иметь иерархичный характер. Однако он представляет собой уже не две пирамиды влияния, как в биполярную эпоху, и не единственную пирамиду однополярного мира, а многоярусную структуру, где есть первые среди равных, равные, второстепенные и маргинальные центры влияния. В этом смысле мир стал непольярным. Процессы кристаллизации контуров многополярного мира ускорились вместе с приходом мирового кризиса. В последние годы он вступил в свою третью фазу – социально-политическую, – которая слилась с двумя предыдущими – финансовой и экономической.

Осознание того, что ожидания общественных и политических элит в странах-членах ЕС явно завышены, наступило после провала в 2005 году ратификации Евроконституции. Главным шоком был не столько факт неудачи референдумов, сколько то, что это произошло во Франции и Голлан-

дии, стоявших у истоков всего интеграционного проекта. Обычный для Малой Европы трафарет «центр/ядро—периферия» перевернулся с ног на голову: теперь многие страны «периферии» стали лояльнее относиться к интеграционному проекту, чем некоторые страны «центра/ядра».

В результате «периферия» ЕС теперь могла оказаться где угодно, как и его «центр». Как США переоценили свою способность единолично заниматься вопросами глобального управления, так и Евросоюз оказался неспособен в условиях формирования полицентричного мира стать в нем главной доминантой с опорой на постмодернистскую «мягкую силу». Окончательно надежды ЕС на скорое обретение статуса ведущей силы XXI века похоронил мировой экономический кризис, который, начавшись в США, в 2008 году со всей мощью обрушился на Европу. Он наглядно продемонстрировал слабые стороны интеграционной модели Малой Европы, на которые политики и чиновники ЕС долгое время предпочитали не обращать внимания.

Вместе с тем именно кризис стал тем отрезвляющим средством, которое помогло европейцам непредвзято взглянуть на свои возможности и задуматься над альтернативами развития. Вступление в силу Лиссабонского договора, необходимость модернизации Экономического и валютного союза, создания механизмов финансовой стабильности ЕС и еврозоны, внедрение процедуры «европейского семестра»,

строительство Бюджетного и Банковского союзов, разработка Пакта роста и занятости — всё это и многое другое, за исключением Лиссабонского договора, не состоялось бы,

межгосударственный и наднациональный аспекты сотрудничества, и в зависимости от той или иной сферы деятельности в ЕС преобладает то одна, то другая составляющая. Что касается внешней политики, политики безопасности и

обороны, то здесь до сих

пор последнее слово по

традиции за национальными столи-

цами, хотя Лис-

сабонский догово-

вор и открыл

путь к даль-

нейшей ком-

мунификации в этой

сфере.

В последние

годы на пере-

довые позиции

в Малой Евро-

пе, в том числе в

формировании

внешнеполитиче-

ских подходов, выдви-

нулась Германия; по-

прежнему активен Париж и,

несмотря на внутренние труд-

Окончательно надежды ЕС на скорое обретение статуса ведущей силы XXI века похоронил мировой экономический кризис, который, начавшись в США, в 2008 году со всей мощью обрушился на Европу. Он наглядно продемонстрировал слабые стороны интеграционной модели Малой Европы, на которые политики и чиновники ЕС долгое время предпочитали не обращать внимания.

если бы не горькая пилюля кризиса. Эти процессы — в случае, если они принесут ожидаемый эффект, — приведут к появлению более стабильного Евросоюза, который будет неизбежно конвертировать свою возросшую внутреннюю прочность в более активную внешнюю политику. С точки зрения геополитической роли Малой Европы в новом столетии, важен вопрос о расстановке сил среди национальных государств внутри нее. В Евросоюзе уникальным для международного опыта способом сочетаются

ности, Рим. Великобритания под бременем своего евроскептицизма всё дальше откачивается от «ядра» ЕС к его «периферии».

Новая роль Берлина рельефно проявилась в 2003 году, когда социал-демократ Герхард Шрёдер в вопросе о вторжении в Ирак пошел наперекор воли Вашингтона. А в 2011 году Германия во главе с христианским демократом Ангелой Меркель воздержалась при голосовании в Совете Безопасности ООН по вопросу о создании над Ливией зоны, запрещенной для полетов. Германия

Президент США Джордж Буш, премьер-министр Великобритании Тони Блэр и канцлер ФРГ Герхард Шрёдер

Новая роль Берлина рельефно проявилась в 2003 году, когда социал-демократ Герхард Шрёдер в вопросе о вторжении в Ирак пошел наперекор воли Вашингтона. А в 2011 году Германия во главе с христианским демократом Ангелой Меркель воздержалась при голосовании в Совете Безопасности ООН по вопросу о создании над Ливией зоны, запрещенной для полетов.

привносит во внешнюю политику ЕС элементы пацифизма, стремление к компромиссу, прагматизм. Вместе с тем со времен военной кампании в Югославии применение военной силы за пределами традиционной зоны ответственности НАТО перестало быть табу для Берлина. Возрождению стратегического веса и мышления Германии способствует и то, что ее соседи давно пережили германский синдром — боязнь усиления Берлина — и теперь опасаются прямо противоположного — его слабости. После очередной победы на парламентских выборах в сентябре 2013 года Меркель возглавила «большую коалицию» с СДПГ икрепила за собой статус ключевого политика Евросоюза. Германия является и основным стра-

тегическим партнером России в ЕС. Определенный сдерживающий и прагматичный эффект привнесла Германия и в отношения между Россией и Западом в условиях украинского кризиса, разразившегося в феврале 2014 года.

Франция традиционно, со времен генерала Шарля де Голля, склонна рассматривать международные отношения не только в категориях прав человека, но и геополитики, она мало подвержена иллюзиям однополярного мира — будь то во главе с США или с коллективным Западом. Она одной из первых среди крупных держав — наравне с Россией — всерьез проявила внимание к концепции многополярного мира. В 2008 году после войны, спровоцированной нападением грузинской

армии на Цхинвал, Николя Саркози — президент Франции, которая в тот период председательствовала в ЕС, — сыграл важную посредническую роль в переводе кризиса в дипломатическое русло. Тогда в его лице Париж продемонстрировал способность к самостоятельной дипломатической активности, помноженной на стоявшие за ним на тот момент наднациональные структуры Евросоюза.

В то же время Франция в 2009 году вернулась в военные структуры НАТО, а в следующем году заключила военное соглашение с Лондоном, поставив под вопрос свою заинтересованность в развитии общей для Малой Европы политики в этой сфере. Совместная декларация Франции и Британии в 2008 году в Сен-Мало, проложившая путь к формированию Европейской политики безопасности и обороны (ЕПБО, с 2009 года — Общая политика безопасности и обороны, ОПБО), в каком-то смысле была поставлена под вопрос «франко-британской Антантой» 2010 года. Однако не исключено, что двустороннее Соглашение о сотрудничестве в области обороны и безопасности может рано или поздно сыграть в пользу продвижения ОПБО.

Войны в Югославии, военные кампании США за рубежом, начавшиеся в 2001 году, способствовали возрождению в некоторых европейских странах вкуса к применению жесткой силы. Но вместо того чтобы привести к становлению Евросоюза в качестве более зрелого геополитического игрока, это заставило часть его стран-членов, прежде всего Британию, вновь встроиться в фарватер Вашингтона. В результате ОПБО оказалась в еще большем застое, а эти страны попали в те же геополитические ловушки, что и США, разделив с ними го-

речь иракского синдрома — провального вторжения в Ирак в 2003 году и постыдной послевоенной фазы операции. Стратегическая незрелость ряда крупных европейских держав сказалась и в начале 2010-х, когда уже по собственной инициативе Франция и Британия начали военную кампанию в Ливии — по своей сути и последствиям не менее ущербную, чем иракская, — а позже стали разжигать гражданскую войну в Сирии. На этом фоне единственным светлым пятном в серии ошибочных стратегических решений стали действия Парижа по умиротворению ситуации в Мали. Впрочем, беды этой страны явились плодами в том числе французской политики в Ливии.

Внеширополитические позиции Франции страдают от сложной социально-экономической ситуации в стране. Франсуа Олланд в опросах общественного мнения скатился до небывало низкого для французских президентов уровня. Тяжелым ударом по позициям социалистов стали результаты выборов в Европейский парламент, состоявшиеся в мае 2014 года. Париж всё больше отходит на второе место в германо-французском тандеме на фоне очередного сближения Берлина и Лондона, в том числе в вопросах модернизации ЕС. Однако в отношениях с Россией Франция продолжает наряду с Германией занимать более взвешенные позиции. Демонстрацией этого стал отказ Олланда, несмотря на давление со стороны Вашингтона и Лондона, отменять контракт с Москвой на поставку военных кораблей класса «Мистраль», по крайней мере, первого из них.

Британия, будучи вместе с Францией ведущей военной силой в Малой Европе, постепенно под грузом собственного евроскептицизма утрачивает свою прежнюю роль в формировании коммуитар-

ной внешней политики. Если Лондон и продолжает проявлять активность, то скорее в том, чтобы воспрепятствовать ее дальнейшему становлению. Неслучайно в январе 2013 года Вашингтон устами Фила Гордона, заместителя государственного секретаря США по вопросам Европы и Евразии, выступил незадолго до заявления Дэвида Кэмерона о референдуме в 2017 году по вопросу о членстве Британии в ЕС с предостережением в адрес Лондона. В июне текущего года уже сам Барак Обама на пресс-конференции в Брюсселе заявил о заинтересованности США в «едином и эффективном партнере». В Вашингтоне понимают, что субъект-

В 2008 году после войны, спровоцированной нападением грузинской армии на Цхинвал, Николя Саркози (на фото) — президент Франции, которая в тот период председательствовала в ЕС, — сыграл важную посредническую роль в переводе кризиса в дипломатическое русло. Тогда в его лице Париж продемонстрировал способность к самостоятельной дипломатической активности, помноженной на стоявшие за ним на тот момент наднациональные структуры Евросоюза.

ность Евросоюза в качестве внешнеполитического игрока будет со временем нарастать. И чем меньшей окажется роль Британии в этом процессе, тем сложнее станет Вашингтону с помощью своего ближайшего союзника в Европе контролировать происходящие перемены. Великобритания на сегодня — единственная страна Евросоюза, которая еще питает иллюзии по поводу самостоятельности в мировой геополитике вне рамок ЕС, тогда как другие государства-члены рассматривают его, по меньшей мере, как мультипликатор их внешнеполитической деятельности. Эхом тезиса США об их исключительной роли в международных отношениях является традиционная и нарастающая в последнее время претензия

Британии на признание исключительности ее позиций в Евросоюзе. Лондон всё чаще дистанцируется от европейских коллег по всё большему кругу вопросов. В отдельных случаях он готов открыто противопоставить себя большинству национальных столиц в ЕС, возвращаясь к практике Маргарет Тэтчер в 1980-е годы. Показательный пример — попытки Британии в июне-июле этого года предотвратить назначение Жан-Клода Юнкера на пост президента Европейской комиссии. Эрозия лидерских позиций Соединенного Королевства в Евросоюзе сказывается и на внутривполитической ситуации в стране, обуславливая продолжающийся рост популярности Партии независимости, усиление шотландского национализма, а

Внешнеполитические позиции Франции страдают от сложной социально-экономической ситуации в стране. Франсуа Олланд (на фото) в опросах общественного мнения скатился до небывало низкого для французских президентов уровня.

также невысокие шансы консерваторов удержаться у власти на всеобщих выборах в мае 2015 года. Для России Британия по-прежнему остается одним из самых сложных партнеров в Европе.

Италия уже долгое время относится к тем странам ЕС, которые последовательно выступают за развитие взаимовыгодных отношений с Москвой. Не кто иной, как Романо Проди, будучи президентом Европейской комиссии, выдвинул в начале 2000-х идею единого экономического пространства с Россией. Италия постоянно оказывается в числе тех европейских государств, которые лоббируют укрепление внешнеполитической субъектности ЕС, поддерживают инициативы, направленные на укрепление федеративных начал в ЕС, механизмов «солидарности», на перенос центра тяжести в антикризисной политике с целей бюджетной экономии на цели экономического развития и роста. Италия сумела преодолеть наиболее острую фазу внутреннего экономического кризиса и избежать необходимости про-

сить о помощи европейские и международные финансовые структуры, как это пришлось делать Ирландии, Греции, Португалии и некоторым другим странам ЕС. Именно итальянец Марио Драги на посту председателя Европейского центрального банка внес большой вклад в стабилизацию ситуации в еврозоне.

На фоне высокой популярности премьер-министра страны Маттео Ренци, лидера Демократической партии, и убедительной победы этой партии на выборах в Европарламент в мае 2014 года правительство страны находится в достаточно благоприятных условиях для проведения активной внутренней и внешней политики. Учитывая тесные исторические и экономические связи между Россией и Италией, большой опыт многолетнего и в целом благожелательного взаимодействия между нашими странами, можно предположить, что высока вероятность сохранения этой тенденции и в будущем — с поправкой на временное охлаждение отношений из-за украинского кризиса.

Из «младоевропейцев» наибольшим весом обладает Польша, которая за годы, прошедшие после ее вступления в Евросоюз, превратилась в серьезного игрока на европейском политическом поле. Этому способствовали размеры страны, численность населения, удачные антикризисные меры, активная внешняя политика. После прихода на пост премьер-министра страны Дональда Туска, лидера партии «Гражданская платформа», и до насильственной смены власти на Украине в феврале 2014 года отношения Москвы и Варшавы приобретали большой прагматизм и, как казалось, постепенно избавлялись от наслоений прошлого. В наметившемся историческом примирении сторон свою роль сыграла трагедия с самолетом польского президента под Смоленском в апреле 2010 года. Однако во многом эта положительная тенденция была свернута вследствие драматических результатов политики «Восточного партнерства» на Украине — проекта, в который Варшава вложила большой политический капитал. Польша остается ведущим членом, по выражению бывшего министра обороны США Дональда Рамсфелда, «новой Европы», то есть группы тех стран-участниц ЕС, которые наиболее последовательно проводят политику евроатлантизма.

В целом можно говорить о том, что после периода открытого противостояния в евроатлантическом сообществе, вызванного интервенцией в Ирак и беспрецедентного со времен Суэцкого кризиса 1956 года, разногласия геополитического характера ушли в тень. Это не означает, что раскол между союзниками в 2003 году был абберрацией. Напротив, те события продемонстрировали, что среди государств Малой Европы, в первую оче-

редь в Германии, возрастает интерес к утверждению собственного взгляда на пути решения региональных и глобальных проблем. Становлению Евросоюза как автономного игрока на мировой арене способствуют и сами Соединенные Штаты, которые всё меньше внимания в своем стратегическом мышлении уделяют Европе, придерживаясь формулы: «Европа — прошлое, Ближний Восток — настоящее, Азия — будущее». Чем больше Британия будет терять влияние в Евросоюзе, а США станут «уходить» в АТР, тем больше вероятность возобновления продвижения ЕС по пути «многоскоростной» Европы, в том числе в сфере общей внешней политики и ОПБО. В пользу этого говорит и тот факт, что в различных опросах общественного мнения с симпатией к идее единой европейской внешней политики относятся большинство жителей ЕС.

Но этот процесс продвигается по извилистому пути, на котором могут происходить и откаты назад. Украинский кризис во многом развивался и развивается по трафарету, заданному событиями на Балканах в 1990-е годы, накал которых достиг своего пика в 1999 году — с вторжением НАТО в Югославию. США перехватывали инициативу у европейских союзников в решении их собственных проблем, когда последние оказывались неспособными урегулировать их самостоятельно, неготовыми это делать или слишком медлительными. Так как Соединенные Штаты, как всякая великая держава, преследуют прежде всего свои цели, то их активность в европейских делах далеко не всегда, если не в большинстве случаев, приводила к итогам, далеким от оптимальных с точки зрения европейских интересов, включая интересы стран-членов ЕС, а

Дональд Туск

Положительная тенденция в отношениях Москвы и Варшавы была свернута вследствие драматических результатов политики «Восточного партнерства» на Украине — проекта, который Варшава вложила большой политический капитал. Польша остается ведущим членом группы тех стран-участниц ЕС, которые наиболее последовательно проводят политику евроатлантизма.

временами и явно противоречила последним.

Один из наиболее свежих примеров — фактическое превращение Киева с февраля 2014 года в политический протекторат Вашингтона. Из-за этого пострадали не только российско-украинские отношения и отношения между Москвой и Брюсселем, но и процесс становления ЕС в качестве политического субъекта международных отношений. Страны «Веймарского треугольника» — Германия, Франция и Польша, — участвовавшие в составлении и подписании соглашения 21 февраля между тогдашним президентом Украины Виктором Януковичем и лидерами Майдана, уже на следующий день фактически отrekliсь от него, полностью уступив инициативу Вашингтону с его собственной трактовкой событий в Киеве.

Кризис на Украине был использован для нового раунда сплочения евроатлантического сообщества, которое в начале XXI столетия становилось всё

более рыхлым. Причем сплочения на основе тезиса «угрозы с Востока» — ключевого в годы холодной войны. На очередной антироссийской волне новое дыхание пытается обрести НАТО — а значит, ОПБО задвигается еще глубже в тень. Тем более становятся более туманными и отдаленными перспективы Большой Европы, то есть общего политического и экономического пространства от Атлантики до Тихого океана без разделительных линий. Какой бы путь ни избрала история, и какие комбинации государств и их союзов ни закрепились бы в качестве ведущих, императивом для нашей страны является неустанное укрепление своей роли в качестве интеграционного ядра на постсоветском пространстве, повышение привлекательности своей модели развития. Чем полновеснее и убедительнее это удастся сделать, тем большее пространство для геополитического маневра будет у России в XXI веке.